

(ИД №6)

Резо Габриадзе:

Мои гости, уввы, уже не пьют...

Второго такого «многоэтажного», как батона Резо, отыскать непросто. Он и режиссер, и киносценарист («Мимино», «Не горюй», «Кин-дза-дза», «Паспорт»), и художник (персональные выставки в Париже, Москве, Берлине, Лозанне), и скульптор (бронзовый Чижик-Пыжик в Питере, памятник Рабиновичу в Одессе), и автор замечательных коротких рассказов, и создатель удивительного Тбилисского театра марионеток... На этой неделе Мастер отметит свое 70-летие. Накануне мы встретились с Габриадзе в кафе «Не горюй», рядом с его Театром марионеток.

«Дама с камелиями» безотказна, как автомат Калашникова

— Батона Резо, как вы относитесь к юбилеям?

— Крайне отрицательно. Не люблю грандиозные торжества. Мы ведь не в Риме эпохи античности. Современный человек, празднующий юбилей, когда вокруг столько ужаса, думаю, должен испытывать неловкость. Мне не нравится пластика этих празднеств, не нравится лексика присутствующих серьезных людей, начинающих нести глупости.

Это дело придуманное — делить жизнь на десятилетия, отмечать их. Я бы делил жизнь по-другому. Допустим, в таком-то году я видел очень красивый пейзаж, который надолго запал в душу. Или вспоминается сильнейший ливень в Тбилиси, а я иду по колено в воде... Так что отмечу юбилей обедом в кругу семьи и близких. Мои гости, уввы, уже не пьют или пьют в ограниченном количестве...

— Вашему Театру марионеток в этом году исполняется 25 лет. К этой дате как относитесь?

— Здесь немного другое. Разница существует. Театр — публичное заведение, рассчитанное на зрителя... Но, честно говоря, не знаю, как мы справим эту дату. Сейчас я занят абсолютно другими проблемами.

— Почему вы в свое время взяли за такое тяжелое и хлопотное дело, как создание нового театра?

— Так сложилось. Попал в эту ячейку рулетки, которая зовется жизнью. Попади в другую ячейку, все бы было по-другому. Но и там бы работал с полной отдачей. Я ведь из монастырских крестьян — и с материнской, и с отцовской стороны. А они всегда упорно трудились. Крестьянам не прожить бездельниками...

— С какой постановки вы начали?

— Обратился к беспрорышной «Даме с камелиями» Дюма — красивому и бессмертному произведению. Такая безотказная вещь, как автомат Калашникова — выстрелит в любых условиях. А в руках такого гения, как Джузеппе Верди, этот сюжет становится немеркнувшей звездой всей человеческой культуры. Даже не в гениальных руках он смотрится красиво. Потому к нему и обращаются киношники и театралы во всех частях света.

— Сколько всего спектаклей в вашем репертуаре?

— Немного. Было бы больше, если бы не проблема хранения кукол, реквизита. Каждый спектакль требует свою квадратуру. В нашем случае это 40—50 квадратных метров. У нас маленькое по-

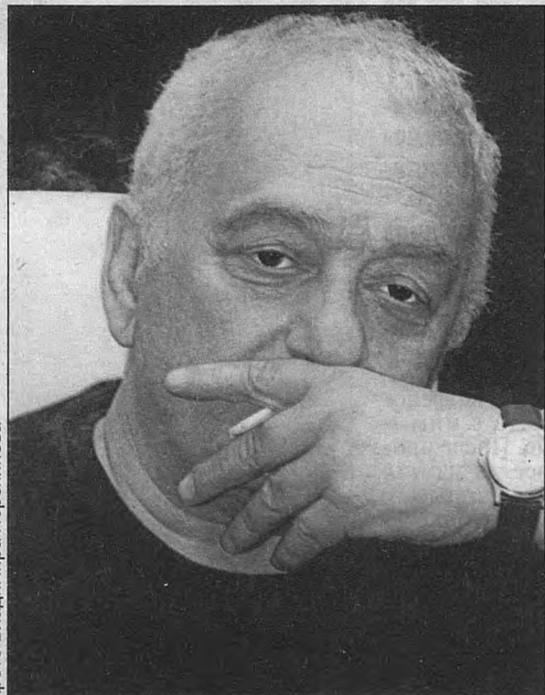
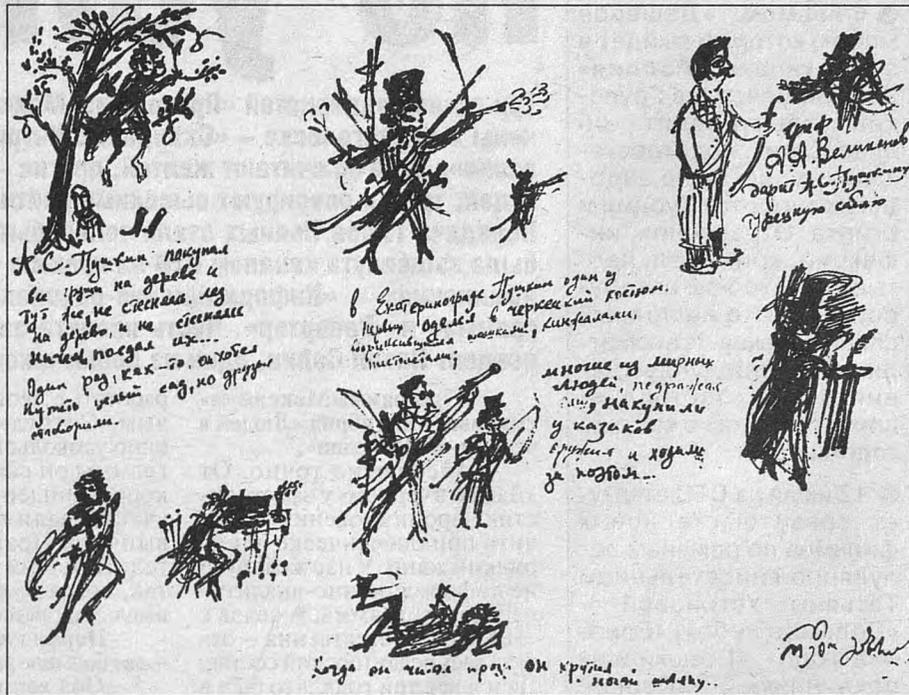

фото Владимира Персиянова

Кому как, а Резо Габриадзе Бог отмерил талантов на десятилетиях. Справа — графическая Пушкиниана мэтра

мещение в старом здании, в котором попросту нет таких площадей. Поэтому часть из двух с половиной тысяч наших кукол и целые фрагменты спектаклей раскиданы по разным адресам, у приятелей и добрых знакомых.

К счастью, нашелся богатый человек, который благосклонно отнесся к театру и выделил средства, чтобы мы привели свое театральное хозяйство в порядок. Этими делами вплотную занимается мой сын.

Современный человек, празднующий юбилей, когда вокруг столько ужаса, думаю, должен испытывать неловкость.

Хранение материальной части спектаклей — общая проблема для театров, мы не исключение. Представьте, какие богатства в Мариинке, Большом или во МХАТе. Интересно, где те задники, которые рисовали замечательные театральные художники XIX и XX веков, куда они исчезли? Я заглянул в эту область русской театральной жизни и, к радости своей, обнаружил много суперклассных работ Бакста, Бенуа, других мастеров. Вот они, к счастью, хорошо сохранились в Театральном музее в Санкт-Петербурге, где я так люблю бывать, где у меня столько друзей и где лежит мое сердце...

Я начал говорить о Петербурге, поэтому срочно остановите меня! А то ни о чем больше поговорить уже не успею...

«Не горюй» пишется без «восклика»

— В 1993-м вы возглавили Театр кукол имени Образцова, но проработали в нем художником немногим более года. Почему не прижились?

— Было переломное время. Страна сделала резкий поворот в неожиданном направлении. Это многократно осложнило жизнь, изменило судьбы людей... Слава Богу, и театр, и я скоро поняли, что на том месте нужен человек другой форма-

ции, хорошо знающий театральную Москву, людей, имеющих отношения в Министерстве культуры. Я знал Москву, но только мосфильмовскую. Там мне было бы полегче... Но я с нежностью вспоминаю театр Сергея Владимировича и верю в его бессмертие...

— Хочу спросить о кафе, в котором мы с вами сидим, ставшем популярным у тбилисцев и гостей города.

— Это не моя заслуга, а его

хорошего менеджера... В самом начале мы сделали в этом крошечном помещении столовую для работников театра, своими силами оформив интерьер. Старенькие столы и стулья покупали у соседей за 2—3 доллара. Ремонтировали и красили их. А когда жизнь поменялась, отдали помещение в аренду. Теперь я здесь такой же посетитель, как и вы. Ну, приблизительно такой же... Нет у меня для этого дела ни времени, ни охоты, ни умения. Уверен, если бы занимался этим кафе, оно точно прогорело бы через две недели.

— Давно ждал случая уточнить у первоисточника — «Не горюй» надо писать с восклицательным знаком или без?

— Без «восклика». Но в те годы, как многие молодые, я злоупотреблял обратным. В советский период такая пафосность была присуща почти всем пишущим. Восклицательный применялся даже при написании самого банального, когда вполне можно было обойтись точкой или запятой. К примеру: «Здравствуй, Юра!»

Те времена ушли. И теперь интуитивно можно догадаться, что это просто «Не горюй». Отсутствует пафос восклицательных знаков и у моего сердечного, нежно любимого друга и коллеги Георгия Данелия — привет ему от меня.

Представьте такую картину: стоят на перроне вокзала двое, прощаются. Один нервно крутит кольцо на безымянном пальце правой руки и пытается что-то объяснить. «Не горюй, все обойдется», — подбадривает его другой, близкий ему человек... Хотя возможен и иной вариант: «Не горюй! Пойдем лучше выпьем...»

Хочу сделать спектакль для самых маленьких

— Так много, как вы, не ездит по миру ни один театр Грузии...

— Пожалуй, да. Мы и существовали благодаря этим поездкам. Счастлив вспоминать Париж, в котором побывали восемь раз. Гастролировали по США, Швейцарии, Сербии, другим странам. В прошлом году — после долгого перерыва — мы дали спектакли в Москве. Повезли «Сталинградскую битву» и «Осень нашей весны». Нас принимали очень тепло, словно это были не театральные гастроли, а долгожданный приезд любимых друзей.

— Знаю, вы начинаете работу над новой постановкой. О чем она будет?

— Хочу сделать спектакль для самых юных зрителей — от 3 до 6 лет. Считаю, что перед ними в долгу каждый театр. Есть такое

важное состояние души в этом периоде жизни. Как подтверждают психологи, именно тогда и формируется человек. Потом следует лишь накопление опыта. Каждый ребенок потрясающе восприимчив в эти годы. Всегда призываю родителей быть особо внимательными к детям в это время, не оставлять без ответа ни одного их вопроса и подходить к этому, как к очень важной работе. Возможно, для этой работы мы и рождены. Грубое вторжение здесь неприемлемо, даже опасно. У нас есть прекрасные модели того, о чем и как говорить с ними. Например, Библия... Нельзя размахивать перед ними руками. Надо показывать им красоту цветов, движения, музыки, поэзии. Мне бы хотелось очень деликатно сделать для них, для их божественных антенн спектакль, основанный на произведениях Шота Руставели, Важа Пшавела, других великих поэтов, с красивыми куклами, музыкой.

В таких постановках нельзя злоупотреблять сюжетом. Он должен быть облегченным, без сложных интриг, завязок и развязок.

Все должно быть просто, ясно и светло. Как в солнечный день...

■ Арчил Бежанишвили. Тбилиси.